

В. Г. Каратыгин

Концерт Скрябина

Впервые: Речь. 1915. 14 (27) февраля. № 43. С. 6.

Как для художественных дух Глинки и Римского-Корсакова мы можем установить совершенно естественное родство с гармонически-стройным и уравновешенным духом Пушкина, так для бурной, мятежной природы Скрябина литературными аналогами надо считать Байрона, Шелли, из наших же поэтов скорее всего Лермонтова. Параллель эта интересна потому, что она отвечает другой параллели. В то время как творчество Пушкина, начиная с эпохи расцвета его дарования и вплоть до наших дней бросало и бросает многочисленные и разнообразнейшие рефлексии на все другие искусства, Лермонтов долгое время оставался на них бездейственным. И только на грани XX века возникают, и притом одновременно в живописи и в музыке, явления, в которых можно усмотреть истинные касания к поэтической стихии Лермонтова. Лермонтов – Врубель, Лермонтов – Скрябин – вот две почти одновременно объявившиеся аналогии, из коих – поскольку две величины, порознь параллельные третьей, параллельны между собою – можно вывести и третью параллель: Скрябин – Врубель. Отчего отражения Лермонтова в музыке и живописи так запоздали? Оттого ли, что страстно-порывистая и противоречивая душа Лермонтова только в людях современного поколения нашла себе полный эмоциональный отклик? Оттого ли, что художники и музыканты только теперь выработали формы краско- и звуко-созерцания, способные объять круг лермонтовских антиномических настроений?..

В концерте своем Скрябин по обыкновению играл только себя и играл в обычной, своей собственной манере, проникнутой тем же духом «лермонтовской» страстной восторженности, стремительности, пламенности, который присущ и композициям Скрябина и который, по совершенному совпадению между художественным смыслом исполняемого и характером исполнения, заставляет слушателя испытывать очарование необыкновенное. Надо, впрочем, заметить, что совпадение это достигается Скрябиным не всегда. Бесподобно выходят у него такие пьесы, как «Fragilité», «Etrangeté»? «Поэмы» 32-го и 69-го опусов, 7-я соната, в которой нервность и экзальтированность доведена до границ лихорадочного иступления, великолепная 9- соната, где конвульсивная напряженность некоторых эпизодов так интересно сопоставлена с попытками обуздать психологические ураганы воздействием на них пластических, умиротворяющих начал (первая тема), - вообще все вещи, относящиеся к периоду полного расцвета творческого таланта

композитора. Напротив, ранние произведения, еще овеянные духом Шопена, менее удаются Скрябину. Те редкие градации темпов, силы и экспрессии, которые Скрябин применяет при исполнении своих старых, еще очень простых и по настроениям и по приемам письма прелюдов, этюдов, мазурок, - дают подчас впечатление преувеличенных и манерных. Небезынтересно отметить, что в новых сочинениях своих – из них мы услышали, правда, только одно: *Prélude fis-dur* op. 74 – Скрябин, по-видимому, продолжает стремиться к тому же противопоставлению оргиастическим и демоническим, «ультра-лермонтовским» эмоциям «аполлинических», «пушкинианских» элементов, которые намечаются уже в 9-й сонате. *Fis-dur*'ный прелюд – вещь очень характерная, лежащая в плоскости новейших изощренных гармоний Скрябина, но в то же время абсолютно ясная, спокойная и в пианистическом отношении очень простая.

Публики было очень много. Восторженным овациям по адресу славного композитора, игравшего много вещей сверх программы, конца не было.

КАРАТЫГИН Вячеслав Гаврилович (1875 — 1925) — композитор, музыкальный критик, педагог. Ему принадлежит романс на слова Лермонтова «Чаша жизни» («Мы пьем из чаши бытия»).